© **Васильев Валерий Егорович**
*Институт гуманитарных исследований
 и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
 Якутск, Россия
 valera305@mail.ru*

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ ОЛОНХО И ГЭСЭРИАДЫ В СВЕТЕ ШАМАНИЗМА САХА И БУРЯТ

Аннотация. В статье освещаются некоторые аспекты шаманизма, получившие отражение в эпосах тюрко-монгольских народов из циклов бурятской «Гэсэриады» и якутского олонхо. Краткий обзор темы построен на научных комментариях А.И. Уланова, творчески переосмысленных на основе сопоставления со сведениями шаманизма этноса саха. Образы бурятских улигеров интересны потому, что эхирит-булагатские роды Прибайкалья сохраняли в верованиях черты древнейшего шаманства. Следовательно, здесь существовали образы, мифы и ритуалы, бывшие общими у бурят и якутов. Сопоставительное изучение эпосов позволяет установить, что предки бурят усвоили много общего из ритуальной культуры древних тюрков. Образно говоря, земли Халха Монголии и Байкала, заселённые монгольскими этносами, сохранили ранние пласты культурного наследия, скрытые под поздними наслоениями восточных религий. Также и в эпосе народа саха обнаруживаются следы монгольского влияния, что свидетельствует о глубокой архаичности образов улигеров и олонхо.

Ключевые слова: буряты, саха, эпос, мифы, ритуалы, шаманство.

Valery E. Vasiliev
*Institute for Humanities research
 and Indigenous Studies of the North SB RAS
 Yakutsk, Russia*

FEMALE IMAGES OF OLONKHO AND GESER IN THE CONTEXT OF SAKHA AND BURYAT SHAMANISM

Abstract. This article highlights some aspects of shamanism that are reflected in the epics of the Turkic-Mongolian peoples from the cycles of the Buryat "Geseriad" and the Yakut Olonkho. A brief overview of the topic is based on the scientific comments of A. I. Ulanov, creatively reinterpreted on the basis of comparison with the information of shamanism of the Sakha ethnic group. Images of Buryat uligers are interesting because the ekhirit-bulagat clans of the Baikal region preserved the features of ancient shamanism in their beliefs. Consequently, there were images, myths, and rituals that were common to the Buryats and Yakuts. A comparative study of the epics allows us to establish that the ancestors of the Buryats learned a lot in common from the ritual culture of the ancient Turkic world. Figuratively speaking, the Khalkha lands of Mongolia and lake Baikal, inhabited by Mongolian ethnic groups, preserved the early layers of cultural heritage hidden under the later layers of Eastern religions. Also in the epic of the Sakha people, traces of Mongol influence are found, which indicates the deep archaic nature of the images of the uligers and olonkhos.

Keywords: Buryats, Sakha, epics, myths, rituals, shamanism.

Прочтение и осмысление образов эпических героев «Гесэриады» требует от читателей глубоких знаний фольклора, этнографии и истории бурятского народа, что под силу лишь востоковедам, прекрасно знающим сопутствующие материалы в области литературы, языка, мифологии и религии бурят-монгольских этносов, ареал кочевания которых граничил с Тибетом, Согдом и Китаем. Поэтому мы ставим перед собой скромную задачу сравнения некоторых образов «Абай Гэсэра» с женскими персонажами из эпоса олонхо народа саха, имевшими архаичные характеристики матриархальной эпохи в истории древних насельников Лены, Байкала, Саяно-Алтая и даже Аральского моря.

Впервые об этом писал лингвист-учёный, основатель якутской советской поэзии Платон Алексеевич Ойунский, размышлявший над истоками сюжетов и образов «сказок» олонхо, восходящими к южным регионам Средней Азии. Согласно якутским «сказкам», на небе существовала страна богов и полубогов. Там было вечное лето и никогда не заходило солнце. По мысли поэта, первоначально верховенство принадлежало прародительницам и женщинам-удаганкам. Поэтому в олонхо образы мужчин-шаманов отсутствуют, что отражает ход эволюции сакральной власти на земле. На основе своей версии автору удалось даже перевести термин матриархат, исходя из названия прародительниц — «Ийэ́хсит юйэ́тэ». Этимологию имени древних богинь Ийэ́хсит или Ийэхсит он выводил с як. *ийэ* 'мать', видя в этом почитание хозяйек домашнего очага [Ойунский 1962: 137, 173].

Его предположение о существовании у древних саха культа женских предков находит подтверждение в языке древних тюрков, которые называли духов и божеств четырёх миров Вселенной ёмким словом *ийэ* 'хозяин', 'господин' [Древнетюркский словарь 1969: 205]. Эта теория генезиса эпоса олонхо на фоне верховенства богинь-матерей и шаманок-удаганок перекликается с гипотезой о том, что

монгольское слово *удаган* происходит с тюркского термина *от* ‘огонь’. Неслучайно в обрядах и мифах саха наиболее деятельными являлись богини Айыысыт, а в эпосе они выступали как светлые шаманки. Культ огня у персов, тюрков и монголов был освещён востоковедом Доржи Банзаровым. Так, он писал: «Богиня огня у монголов носит турецкое название Ут или От, т.е. огонь. К этому имени монголы прибавляют эпитет Галайхана, царицы огня...» Матери Ут монголы приносили в жертву жёлтое масло и белого барана с жёлтой головой. Их шаманы, как жрецы, занимались обрядом очищения огнём и умилоствлением богини Ут [Банзаров 1997: 42, 43, 53].

В комментариях к унгинскому улигеру «Абай Гэсэр» А.И. Уланов отмечал, что во всех бурятских улигерах Манзан Гурмэ выступает родоначальницей небожителей. Она стоит выше всех, ибо все тэнгрии и герои обращаются к ней за советом и помощью. Также в эпосе бурят присутствуют удаганки, хотя в тех же текстах источников учёный не нашёл ни одного шамана [Абай Гэсэр 1960: 299, 301]. На наш взгляд, архаичность эхирит-булагатских версий сказания о Гэсэре заключается в том, что в них сохранились образы изначальной пёстрой земли, рогатого белого зверя (хозяина тайги), охотничьего шалаша (дворца Хирмаса), а также коней, пасущихся на Алтае с оленями и изюбрами [Там же: 298, 301, 302, 310].

В *олонхо* Срединная земля наделялась эпитетом *джагыл* ‘пятнистый’, ‘пегий’, а богиня земли иногда имела имя *Эбириэс хотун*, которое являлось вариантом слов *эбириэн*, *эриэн* ‘пёстрый’ (ср. с монг. *эрээн*). В этом усматривается зооморфный облик матери-земли Улгэн дэлхэй [Там же: 297], имевшей якутский аналог Дэлбэй айыы — богини любви и деторождения, дочери духа-хозяйки земли и рек. Возможно, последняя превращалась в белую маралиху — хозяйку тайги и охотничьей удачи. Об этом легко догадаться потому, что в мифах саха богиня Айыысыт носила наколенники из волчьих лап, а Улуу Тойон, хозяин лошадей масти *улаан*, имел среднего сына Сутуруо Чуогур («пёстрые наколенники»), чем-то напоминавшего Гэсэра и Бортэ Чино — супруга Гоа Марала.

Белый цвет связан с культами солнца и огня. В свете этого интересен эпический образ белого жаворонка, с помощью которого Гэсэр спасает дочь Солнца. Трели этой птицы вселяли поэтическое вдохновение и приносили счастье [Там же: 299–300]. В мифах саха мы находим образ жаворонка, который являлся «корнем» певцов. Духи песни изводили, заставляли болеть будущих певцов. К верхнему «корню» певцов совершали путешествия [Васильев 2010: 91]. Видимо, неслучайно светлые шаманки назывались *айыы джаргыл удагаттар*. Забытое слово *джаргыл* сопоставимо с монгольским *жаргал*. Любопытно, что счастье *жаргал* у казахов звучит как *жыргау* и близко напоминает якутское слово *ырыа* ‘песня’.

В верованиях саха жаворонок воплощает души мальчиков и называется *сылгы чыычаага* («пташка лошади»). Крылатый конь эпоса разделял судьбу хозяина, а герой в любовной песне жены величался «жеребцом». В мифологии алтайцев рогатые кони шаманов были духами-хранителями *бура* (досл. «олень»), обитавшими в тайге [Дыренкова 2012: 209]. У шаманов саха кони назывались *ийэ кыыл* ‘мать-зверь’. Всё это напоминает пословицу бурят о том, что хороший муж умирает вместе с конём. В комментарии А.И. Уланова приводится такое сведение: «Герои-батыры, победив врагов, убивают их коней и хоронят или сжигают их вместе с конями и оружием» [Абай Гэсэр 1960: 194, 310].

Судя по тому, что в улигерах герои используют ругательное слово «безрогий», шаманы *бугэ* могли носить рогатый шлем [Банзаров 1997: 50]. Это подтверждает казахское слово *ургаиы бугы* ‘самец-марал’ [Монгол-казах толь 1984: 298], сходное с якутскими *буга* ‘бык’, *бухатый* ‘крепчать’, *бухатыыр* ‘богатырь’. Вспомним имя Ньургун боотура, который происходит с монгольского *ниругун* ‘спина’, ‘хребет’ [Пекарский 1959: 1758].

Таким образом, бурят-монгольские улигеры хранили сведения о верованиях, которые сопоставимы с материалами якутских *олонхо*. Общими для обоих сказаний являются сюжеты зарождения изначальной пёстрой земли, идеи верховенства богинь, избранность удаганок, которые предшествовали шаманам и богатырям. Образы матери-земли и родовых духов-покровителей были связаны с культами тайги и гор, возникшими в глубокой древности. Следы этих культов уводят нас в каменный век, в период господства идеологии родоплеменных обществ.

Литература

Абай Гэсэр / вступительная статья, подготовка текста, перевод и комментарии к нему А.И. Уланова; отв. ред. С.Ш. Чагдуров. Улан-Удэ, 1960. 315 с.

Банзаров Доржи. Собрание сочинений. Издание 2-е, дополненное. Улан-Удэ, 1997. 240 с.

Васильев В.Е. К вопросу о культовых мифах и эпосе *олонхо* // Фольклор и литература народов Сибири: традиции и новации. Якутск, 2010. С. 88-92.

Древнетюркский словарь. Л., 1969. 676 с.

Дыренкова Н.П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб., 2012. 408 с.

Монгол-казах толь / сост. Б. Базылхан. Улаанбаатар, 1984. 886 с.

Ойунский П.А. Якутская сказка *олонхо*: её сюжет и содержание // Сочинения. Т. 7. Якутск, 1962. С. 128-204.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. II. М.; Л., 1959. 2507 с.